



Автор - Алёна Рычкова-Закаблукская, Иркутск (Россия).

## НЫРОК

\* \* \*

Прошло немало дней, а я всё помню это.  
Осеннее стекло студёной Ангары.  
Октябрьский сонный день на берег, за Мегет,  
Нас выманил. Затем доверчиво дары  
Вручил. Но тишины, что ждали мы, в помине

Там не было. То птиц, то ветра говорок.

С удилищем в руках шагая по стремнине,  
Ты увидел вдали кочующий комок –  
Невнятное пятно форсировало реку,  
И вопреки волнам несло себя, несло.  
И вот оно у ног большого человека.  
Тихонько подхватив под хрупкое крыло,  
Ты разглядел его – познанный утёнок  
В руках твоих дрожал и лапкой молотил.

Забавный дух борьбы владел им  
И силёнок, должно быть, придавал –  
В руке, как по реке,  
Он плыл. И плыл. И плыл!  
Но вскоре взгляд померк – утиное сознанье  
Разумный птичий бог, как огонёк задул.  
Отколотый волной осколок мирозданья  
За пазухой моей согрелся и уснул.

Смирившись с тем что мух  
Ловить ему придётся  
И, может быть, искать приёмную семью,  
Я вспоминала всех кто склонен к утководству.  
И вскоре для себя решила – люблю...

Малыш меж тем ожил и овладел собою,  
И осознал тепло чужих ненужных рук –  
Так в бусинах зрачков весь план его неволи,  
Определённый мной, отобразился вдруг.  
Тут в птице занялась сердитая тревога:  
- Пусти меня! Пусти! Издохну сей же час!  
Настойчивый птенец с проворством скомороха  
Из пальцев ускользал, испытывая нас.  
И не хотел руки.  
- Пусти меня! Пусти! Мне плохо! Плохо! Плохо!  
Так мы, боясь свернуть утёнку позвонки,  
Снесли его к воде. Он одержал победу.  
О как он гордо плыл! Как радостно спешил!  
Как рассекал волну стремительной торпедой.  
Как в этот краткий миг он бесконечно жил.

Сентиментальной мне до слёз – одно мгновенье.  
И вот уже в глазах стоит их терпкий дым.  
Но не было и нет и капли сожаленья,  
Но тихая печаль и восхищенье им –

Отважным храбрецом, не знающим сомненья.  
Пускай его сожрёт скучающий налим,  
Летающая на писк прожорливая птица,  
Или двуногий зверь с крестом, иль без креста...

Ты спросишь, для чего я ворошу страницы?  
Я думаю о том, что истина проста –  
Нам каждому свой путь неведомый и странный  
Отмерен и открыт. И каждому свой срок.  
И потому летит к проточине туманной  
Душа моя – птенец, душа моя – нырок.

### Предтечи

В двенадцатом она у нас гостила...  
Потом округу, помнится, косила,  
Но начинала с нашего двора.  
Когда б я знала, то копила силы –  
У первых дрог бы так не голосила  
И слёзы для вторых приберегла.  
Но были мне, ведь были эти знаки..  
Глухие к изголовью никли сны.  
И подвывали по ночам собаки,  
И месяц плыл подобием блесны.  
Беда приходит исподволь и скрыто –  
Искрою малой, тлеющей соломой –  
Три шалопая из энергосбыта  
Спилили две берёзы возле дома.  
И это был тот заповедный знак,  
И мне б считать минуты до мгновенья  
Когда, свершив усекновенье глав,  
Господь оставил нас без сожаленья...  
Отец смотрел как падали их кроны,  
До середины сломленные косо.  
А небо было розовым и чёрным  
По краешку. Январские морозы,  
Давая свой спасительный наркоз,  
День ото дня крепчали и крепчали.  
И до весны тела больных берёз  
Из снега обезглавлено торчали.

### Сизиф

Он жил не так, как нам хотелось всем.  
Дни истончались хлопковой мережкой,  
А он катил по узкой полосе

## Конкурсная подборка 53. «Нырок»;

Автор: Оргкомитет  
24.03.2018 20:00

---

Тропинки допотопную тележку,  
Что об одном помятом колесе.  
Он тридцать лет возил на ней песок  
На заболоченный участок.  
Сизифов труд  
Бездарным и напрасным  
Казался мне. А ныне тут растут  
Берёзы наши.

Он сам себе придумывал работу:  
Вставать чуть свет, вернее – до восхода,  
Литовку взять, в предутреннюю хмарь  
Идти в росу пока гудит комар  
И розов край тугого небосвода.  
Срезать, срезать звенящую траву  
И в эту землю прорасти ногами,  
Сминая дёрн литыми сапогами.  
И никому не возводить в вину  
Свою судьбу.

Не верить в бога и в загробный мир  
«Есть скорбь и тлен, червей могильных пир» –  
Он говорил. И улыбался тихо.  
А нынче вот приснился. Как он лихо  
Свою тележку по тропе катил!  
Как глаз белки покойницы блестели.  
Рубашка на его тщедушном теле  
Сама собой торжественно плыла.  
И вот тогда во сне я поняла,  
Что до сих пор он увлечён неверьем.  
И даже там, за сумрачную дверью,  
Он линию свою упрямо гнёт.  
В тележке возит траурную землю  
И никого за это не клянёт.



